

Ирина Фургал

Сватовство Миче

Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА. Часть II

Ирина Фургал
Сватовство Миче.
Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ
СОЛНЦА. Часть II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42596022

ISBN 9785449681782

Аннотация

Мой вечный страх оказался предчувствием потери. Гадая каждому, напророчил беду для всех. Защищая семью, вызвал осуждение, стал жертвой клеветы. Говорят, будто я не в себе и болен душевно... Как же мне, неопытному волшебнику Миче Аги, спасти свой город и младшего брата? Что сильнее: магия или доброе сердце, превращающее врагов в друзей? Не за него ли полюбила меня красавица Ната? Кто-то с корабля на бал, а мы с ней с бала на корабль, опасаясь мести врагов короля.

Содержание

ГЛАВА 1. АНЧУТСКАЯ МУДРОСТЬ	5
ГЛАВА 2. СПЛОШНЫЕ ПОТряСЕНИЯ	16
ГЛАВА 3. ТРОГАТЕЛЬНАЯ ЗАБОТА	27
ГЛАВА 4. НОЧНЫЕ ВИЗИТЫ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сватовство Миче
Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ
СОЛНЦА. Часть II

Ирина Фургал

Роман

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА

ЧАСТЬ II. СВАТОВСТВО МИЧЕ

© Ирина Фургал, 2019

ISBN 978-5-4496-8178-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-8120-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. АНЧУТСКАЯ МУДРОСТЬ

И всё было так, как будто мы давно уже сказали друг другу о любви, словно уже вчера и позавчера, и неделю назад строили планы о том, как будем жить вместе, не расставаясь надолго, засыпать и просыпаться вдвоём, называя это счастьем. На несколько часов я позволил себе быть просто влюблённым парнем, не озабоченным безопасностью кого бы то ни было, я забыл о том, что мне, анчу, тем более, анчу, провинившемуся перед заговорщиками, не стоит жениться. Затмение нашло.

Я говорил Нате, смеясь, но серьёзно, что она такая красивая, и потому её невозможно представить в фартуке на кухне или, скажем, доящей корову. Ната тоже смеялась, она возражала, что ведь я не раз видел её и за тем, и за другим занятием, а также полющей сорняки и собирающей абрикосы. А ещё Ната знает рыбацкое ремесло, умеет ставить сеть, управлять парусной лодкой и лихо торговаться на рынке. И как вы думаете, нужно ли ей всё это? Разве что для души.

Ната – дочь богатых родителей, ну, да я уже говорил. Натин отец – преуспевающий купец. Он торгует рыбой, перевозя её по реке и по суше далеко от моря, потому что у него есть такие замечательные волшебные штуки – передвижные хо-

лодильники. Дом Натаиных родителей – большой и красивый, жёлто-розовый. Он стоит недалеко от парка, и сам весь утопает в зелени деревьев. Там, в саду, Ната и её старшие сёстры вечно возились с удивительными цветами, пока те две девушки не вышли замуж. Я знаю их, и их мужей, и их новорожденных сыновей, и даже их собак и особо выдающиеся сорта садовых растений. На той же улице, повыше – дом моих родителей. Улица длинная и извилистая. Не поймёшь, то ли она идёт вдоль ограды парка, то ли перпендикулярно ей.

Я сказал Нате, что когда мы поженимся, я, конечно, найму служанку. Толстую пожилую женщину, чтобы супруга не ревновала. Я не хочу, чтобы моя жена закопалась в домашнем хозяйстве и стала этакой клушей, лишённой всех интересов юности и всего молодого задора, свойственного увлечённым людям. Ната ответила, что это правильно, только я не представляю, что меня ждёт. Она перетасит в мой дом батарею цветочных горшков, миллион справочников, счёты и счётную машинку, бухгалтерскую книгу, здоровенный родонитовый письменный прибор и фигурку собаки, сделанную из ракушек. Я робко поинтересовался, зачем ей бухгалтерская книга у нас дома. Помогать отцу в его расчётах она может и в доме у парка, это гораздо удобнее, чем бегать туда-сюда с листочками и цифрами о доходах-расходах. Ната усмехнулась и ответила, что отец отцом, а доходы-расходы мужа тоже контролировать надо. Я прямо дара речи ли-

шился, а она захлопала в ладоши, радуясь удачной шутке.

Ладно. Я сказал, что толстой пожилой служанке тяжело будет справляться с хозяйством. Женщина помоложе – это лучше. Так благородно дать подработать студентке! На этом можно сэкономить и прямо так и записать в бухгалтерской книге. Ната примолкла, притихла и в печали проглотила цветок вьюнка, который до этого просто держала в зубах. Да, Миче, он такой, он может прийти на помощь хорошенькой вертушке из чистого человеколюбия. Посмеиваясь, я сменил серьёзный тон на шуточный, Ната рассердилась и набросилась на меня с кулачками. Мы повалились на садовую скамейку...

Вы спросите, какое право имею я, такой простой анчу, свататься к девушке из богатого дома? Да вот уж имею. Полюбопытствуйте у нас в Някке, кто такой Миче Аги. Вам непременно, в числе прочего, скажут, что я представитель знаменитого рода, чьи корни уходят в далёкие года, и чьи предки из долины Айкри, из Дома Радо, а это для анчу очень почётно. Ходят смутные слухи, что кое-кто из них был когда-то правителем в тех местах. Предки были людьми не только героическими, но и отличными мастерами, и рассказ о них вы ещё услышите, но я не примазываюсь к их славе. Я и сам кое-чего стою, как ювелир, и, увидев мои изделия на прилавке, вы несомненно отметите, что они хороши, даже если не будете знать об их дополнительных свойствах. Никто из моих родственников не бедствует, каждый из них

нашёл себя, если не в ювелирном ремесле, то значит, в другом каком-либо деле.

Дед, отец моей мамы, был известным путешественником, писал книги о странах и открытиях, побывал в местах удивительных, до него не исследованных. Его экспедиции поощрял прежний король, отец Стояна Охти, и нынешний также всегда ему благоволил. На голубятне, под полом, в одном из железных ящиков, хранятся награды и подарки – моему деду за заслуги. В том числе – кубок, усыпанный редкими самоцветами. Дед был смелым человеком, но считал, что вносить столь ценные вещи в дом нельзя: мало ли что. Воры. Переворот. Погром. Пожар. Наводнение. Анчу всегда опасаются подобных несчастий. Довериться банку? Как можно?! Если бы вы спросили моих деда и бабушку, где следует хранить драгоценности, услышали бы ответ: «Только на голубятне». Боюсь, я сам всю жизнь следую этому совету. Иногда приходит в голову мысль: почему не в курятнике? Не в конюшне? Какая такая конюшня? Голубятня надёжней.

Наш с Рики отец занимается продажей ювелирных изделий. Папа предпочитает иметь дело с мастерами и тем, что они сделали только что, а не со старыми вещами, которые продают не от хорошей жизни и которые могут оказать на нового владельца плохое влияние. Папа сам прекрасный мастер, его имя известно в нашем городе очень хорошо. Это он обучил меня и обучает Рики премудростям ювелирного дела. Рики талантлив, он будет гордостью нашей семьи. Самое

ужасное для него наказание – отлучение от занятий.

Бизнес моего отца радостен и ярок, и я люблю его с детства. У нас есть магазин и мастерская возле рынка. Папа никогда не держит драгоценности дома, не делает их дома, это знают все. Так что нормальные воры придут грабить магазин, а не жилище моих родителей.

Надо быть осторожными. В папином магазине, например, три запасных, но очень замаскированных выхода, чтоб, если что, можно было сбежать. Кругом потайные панельки, а под ними – рычаги, нажав на которые можно вызвать стражу. Отец платит за охрану магазина, чтобы продавцы чувствовали себя в безопасности. В своё время моя мама и папины две сестры стояли в магазине за прилавком. Я тоже порой стою. Мне очень нравится это дело. Мне и Рики. Я работал с отцом ещё в школьные годы, я отличный продавец.

Я всегда зарабатывал сам сколько мог, и не помню случая, чтобы мне деньги доставались просто так, потому что я сын богатенького папы. То же самое – Рики. Не то что мама и папа, но даже и я, могли бы завалить нашего ребёнка подарками и дорогими вещами. Но ведь мы хотим воспитать достойного, трудолюбивого человека, знающего цену деньгам, настоящего продолжателя дела дома Аги, не так ли?

И мы с Рики с детства, к большому неудовольствию родителей, подрабатываем гаданиями. Про таких, как мы, говорят: «Родились с дарами Эи в руках». Дары Эи – это гадательные принадлежности. Это способности, пренебречь ко-

торами невозможно, не вызвав гнева богини, наградившей своего избранника. Но нас с Рики одарила ещё и прекрасная Ви, старшая сестра Эи, Мать Магии. Оттого мама и папа, хоть и были против, но запретить не могли, когда сначала я, а потом Рики объявили о том, что желаем всерьёз заняться гаданиями и волшебством. Никто не хочет призвать гнев Матери Предсказаний и Матери Магии на голову своего ребёнка. Но знаете, в наш век технического прогресса всё меньше избранников Эи. Возможно, только отсутствием конкурентов объясняется странная популярность в Някке меня, как предсказателя. Мои малочисленные сокурсники, все пять человек, разъехались по своим городам и странам.

Так что вы видите, мы далеко не бедная семья, нас знают и уважают в городе. Когда я говорил, что надо бы слезть с шеи родителей, я имел в виду не финансовую сторону, а скорее моральную. Если бы мы захотели, могли бы выстроить дом не хуже Натиного и жить на широкую ногу. Открыть ещё магазины, появляться при дворе и так далее. Но!

Но мы – анчу, и не надо привлекать к себе лишнего внимания, если мы хотим выжить, если я хочу увидеть своих внуков. Если кто-то живёт лучше кого-то, у того могут возникнуть зависть и злоба, и, как результат – желание взять факел и подпалить дом соседа. Тем более, если этот сосед – анчу. И так вон Корки выходят из себя при виде меня. Из всей вереницы предков-ювелиров, наверное, только я, их потомок, завёл мастерскую в своём доме: мне просто некуда было де-

ваться: я ведь гадаю людям – где у меня время на дорогу то туда, то обратно? Я продаю обереги и амулеты, поэтому мне приходится держать свои изделия при себе. Да, я боюсь, потому что это неправильно, и папа совершенно справедливо ругает меня за такое поведение. От грабителей можно легко защититься, от обычных таких вороватых граждан. Даже если они запасутся разными контрабандными штучками. Что мне какие-то штучки в их неумелых руках? К тому же я не устаю повторять знакомым и клиентам, что украденный амулет имеет обратную силу, а всё, что я делаю – это именно амулеты. Вряд ли имеются желающие проверить такую истину на себе. В моей мастерской Рики трудится над своим первым заказом. Как не радоваться, что это происходит на моих глазах? Как бы я присматривал за ним и его работой в помещении у рынка? Я боюсь другого. Если кто-то всерьёз задумает расправиться со мной, он, конечно, не полезет ни в мастерскую, ни в голубятню. Он применит хитрость, отлично подготовится, и как знать, может, найдёт где-нибудь волшебника, гораздо более сильного, чем я. Об этом мне твердил ещё дед, мамин папа.

Иногда я задумываюсь, правы ли были мои предки, внушившие нам эту анчутскую мудрость осторожности и страха.

Порой мне кажется, что правы. Это когда лежу ночью без сна, и прислушиваюсь к звукам за окном, и боюсь повторения описанных дедом и бабушкой погромов.

Но гораздо чаще ловлю себя на мысли, что у меня так

много друзей и знакомых, со всеми, кроме Корков, прекрасные отношения, всё здорово и замечательно, потому что кому оно надо, причинять вред Миче Аги?

С другой стороны, последние события подорвали мою веру в человечество. Ожили все анчутские страхи. Я действительно очень боюсь.

Я сказал Нате:

– Как я могу свататься к тебе? Я боялся назвать привязанность к тебе любовью, потому что не хотел жениться и подвергать опасности жену и детей. Разве человек имеет право подвергать опасности другого человека? Злоба Корков коснётся и тебя. Я ожидаю пиратской мести. Если придут, чтобы убить меня, убьют и тебя. Я этого не переживу.

Она тихонько засмеялась и прижалась ко мне сильнее:

– Это ничего, Миче. Присылай сватов и ни о чём не тревожься. Я готова умереть с тобой, но не жить без тебя. Что? Мои родители? Они всё понимают.

Она любила меня давно, а я, дурак, ничего не замечал и был глух к собственному сердцу. К глупому сердцу, которое не понимало, что любит.

Как же так? Сколько потеряно дней!

На меня свалилось счастье. Вот так, неожиданно-негаданно, ни с того, ни с сего. А я, запуганный анчу, боялся его принять. Боялся за Нату. Боялся, что её убьют вместе со мной. Сейчас боюсь, как никогда.

Да и как оставаться спокойным, если у меня орден за то,

что я помог разделаться с пиратством, если на меня точат зубы анчуненавистники Корки, которым я помешал взгромоздиться на престол? Я был уверен, что мне не избежать мести и расправы, я даже заговаривал с родителями, своими и Лёкиными, о переезде: пусть бы они уехали в другой город, избежали бы кары этих бедолаг, чьи планы я нарушил. Мне переезжать было бесполезно: найдут всё равно. Но наши с Мальком семьи надо было вывести из-под удара. Правда, я не представлял, как уговорить маму и папу и семейство Мале покинуть город.

– Да-да, – твердили они мне, но... только чтобы успокоить и отвязаться. Малёк крутил пальцем у виска и говорил, что старшее поколение с места не сдвинуть, а сам он останется в Някке, ведь я же не переезжаю. Мой товарищ сказал, что будет защищать меня или разделит со мной мою участь.

– А как иначе, Миче? – спросил он тихо. И что было с ним делать?

Единственный раз в жизни я решился расстаться с Рики и потребовал, чтобы родители отправили его в деревню. Они посмотрели друг на друга странно и сказали, что подумают, чтобы я не чудил, что скоро учебный год... Не собирались они ссылать младшего сына к дальней родне из-за моего ненормального страха. А Рики, подслушавший сегодня днём этот разговор, ударился в рёв и сказал, что ничего не боится, и если уедет, то только вместе со мной.

Старшее поколение не верило в месть.

Я знал, что она неизбежна.

Это единственная причина того, что я повёл себя странно и недостойно, когда закончилась волшебная ночь, когда перед рассветом поднялся прохладный ветерок, и я проводил Натю домой, подвёл к её воротам. Мы стояли и смотрели, как нежно розовеет небо, как чайки летят в тихое побуждающееся море, как чуть колышутся под ногами кроны парка и белеют паруса рыбацких лодок. Тихонько открылась калитка, и родители Наты застали нас целующимися прямо посреди улицы.

– Миче! – ахнула её мама.

– Ната! – рявкнул её отец.

– Что? – спросили мы, нервно тиская пальцы друг друга.

– Что это такое? Где вы были? Не предупредив! И... И вот это?!!

– Что? – снова спросили мы, словно были заведенными куклами. – Мы гуляли.

– И что? – поднял брови Натин папа. Он явно намекал на наш поцелуй.

Если бы я стоял у них во дворе, я попробовал бы объяснить. Но посреди улицы... Натины родители были так возмущены, что, кажется, забыли, где мы все находимся. Они сверлили нас взглядами, и я сказал:

– Извините. Ну, я пошёл.

Это вместо положенных слов, которых ждала от меня Ната.

О, как она на меня взглянула! До сих пор я сгораю от стыда, вспоминая этот взгляд.

Ната, Ната, как я тебя обидел, каким я оказался трусом! Я, волшебник, который специально обучался магии, чтобы в минуту опасности защитить своих близких. Я думал, эта профессия придаст мне уверенности, но нет. Мне померещились факелы в моём саду, звон оружия, мой пылающий дом, чувство невозможной утраты...

И я сказал, словно прошелестел:

– До свидания.

И Ната влетела в свой двор, шарахнув калиткой так, что должны были проснуться мои родители на другом конце улицы. А Натины родители так и остались стоять у ворот.

– Ты, Миче, что-то не то сделал, да? – попыталась вникнуть в суть моей проблемы её мама. А Натин папа взял жену под руку и, сказав, что это проблема лично моя и больше ничья, увёл и её.

Я стоял, подобно тумбе для объявлений, а потом пошёл к себе, не понимая, что вообще происходит, и как это я так запутался.

Я хотел, чтобы мои папа и мама объяснили мне, как примирить все эти противоречия в моей душе, как вернуть любовь Наты. Я уже тосковал по ней. Я боялся потерять её любовь.

Но мамы и папы не было дома.

ГЛАВА 2. СПЛОШНЫЕ ПОТЯСЕНИЯ

– Так и не приходили ещё, – сказала сонная служанка. – Ты, Миче, сам-то откуда? Почему ты их ищешь, если они у тебя?

Вот тебе и раз. Родители заночевали у меня, потому что кто же присмотрит за Рики в моё отсутствие. А меня всё нет, а они волнуются. Я побежал бегом. Из окна дома Мале меня окликнула мама Малька.

– Бежишь, Миче? Беги-беги. Где ты был?

– А где Лёка? – вместо ответа спросил я.

– Так у вас.

– Почему?

– Так все там.

Странно. Что там делают все? Вечеринка перешла в утренник?

– Я подойду попозже, – пообещала хозяйка дома.

Спрашивать: «Зачем?» – было бы невежливо. Я просто понёсся дальше. Но вот что интересно: дома никого не было. Совсем. И никакой записки. Наверное, мама и папа отправились домой и увели Рики, Малёк пошёл провожать Чудилу, и я со всеми разминулся. Но могли бы черкнуть пару строк. Я вздохнул. Сам виноват: не предупредил никого, что

явлюсь лишь утром. Ха! А вдруг все ищут меня?

Устав биться над этой загадкой, и вообще, устав, я лёг и заснул, чтобы выспаться перед работой. Авось всё как-нибудь разрешится само собой.

*

– Спит, – сказали рядом со мной. – Просто невинный ягнёнок. Держи меня, Петрик, чтобы я его не побил. Я его побью.

– Погоди, послушаем, что скажет, – осадил Малька Чудила. – Эй, Миче, подъём!

– Чего? – спросил я.

– Мы тебя побьём, – сообщил мне Лёка.

– Не надо, – со стоном попросил я.

Я сел и схватился за голову. Все события этого утра и вчерашнего вечера вспыхнули в моей памяти обжигающим огнём. Это невозможно. Что творится!

– Ребята, что я наделал! Что я наделал, ребята, – запричитал я и даже побился немного головой о ковёр на стене.

Они переглянулись.

– Да ладно, – пожал плечами Малёк, – не так уж всё плохо. Хотя могло быть и хуже из-за твоей дурусти, – добавил он.

– Я ему сто раз говорил: купи ребёнку ролики, – зачем-то вставил Чудила. – Говорил: купи и научи ребёнка кататься. Сам, говорил я, научи, чтобы было спокойнее. Чтобы дитё умело кататься и было как все. Я говорил: умение – это без-

опасность. Я даже говорил, что сам научу. Ты, Лёка, тоже говорил. Но Миче не разрешал нам купить Рики ролики, говорил, что посоримся.

– Отстань, Чудила, – я повалился на подушку. – Ты всё об одном. Какие тебе ещё ролики?

– Кажется, он не о том, о чём мы ему толкуем, – догадался Малёк. – Кажется, с ним всё-таки что-то случилось. Ох, недаром Миче видели с Хротом.

– Да. Ещё ведь он подрался у Някки, на пристани, – напомнил Петрик. – Надо было доискать его до конца.

– Что я наделал? – спросил я у подушки.

– Слушай, говорят, Кохи очень сильно избит. Это ты его так?

– Вы спятили, да? – я снова сел. – Вы считаете, что я могу избить человека до такого состояния? Хотя нет. Могу. Его папочку.

– Ты был у Кохи? Ты его видел?

– Ты что, ходил туда с Хротом?

– И как он? Как Кохи?

Я застонал от жалости к своей вражине.

– Видал? – спросил Чудилу Малёк. – Вообще понять невозможно.

– И куда ты делся потом? – спросил у меня Петрик. – Где тебя только не искали!

– Зачем меня искать? – разозлился я. – Что я вам, дитё новорожденное? Куда я денусь? Я болван. Я идиот.

– Кто бы сомневался! – сказали мои дорогие друзья. – Конечно, болван. Драться на пристани! – они оба сели ко мне на кровать.

– Не дрался я!

– А что ты делал?

– Сделал предложение Нате!

– О! Ого! Ну и ну! – они пришли в восторг. – Наконец-то, Миче!

– Да, сделал, а потом не сделал!

Они опешили:

– Это как?

Пришлось рассказывать всё с самого начала, иначе они бы не отцепились меня. И когда я закончил, Малёк высказал своё мнение:

– Да. Идиот, – он сник и расстроился. – Обидел Нату и сам себе сделал плохо.

– Но как же мне быть?

– Есть только один способ. Броситься на колени и умолять о прощении. Всё объяснить.

– Но Корки... Пираты... Но я – анчу... Я боюсь... – лопотал я.

Чудила обнял меня и стал утешать, как я бы утешал Рики, если бы он совершил ошибку и плакал.

– Сколько я тебя знаю, Миче, ты всегда боишься, – говорил он. – Боишься и боишься, но живёшь нормальной человеческой жизнью. У тебя даже не получается как следует за-

пугать Рики, потому что ты не веришь в плохое.

– Я верю. Я трус.

– Это не твоя вера, а вера твоих предков. Ната полюбила тебя за смелость.

– Нет, Петрик, нет. Откуда она, смелость-то?

– Читай выше, – хмыкнул Малёк и погладил меня по голове. Чудила напомнил:

– Смелость просто жить и всех считать хорошими.

– Я всех не считаю...

– Тс-с, – шепнул Петрик. – Брось это. Сегодня ты пойдёшь к Нате и помиришься. Или ты её не любишь? Может, просто ищешь предлог отвертеться?

Отвертеться? Ну уж нет. Я знал, что не могу без Наты. Не могу, не проживу без неё жизнь, даже если её, этой жизни, очень мало осталось. Я пойду и помирюсь.

– Может, сегодня сразу посватаюсь? – я вскочил. – Да. Сегодня. А вы будете сватами. Если сейчас пойти на рынок...

– Миче, сегодня не выйдет.

– Вы на службе? А почему вы не на службе?

Дзинь-дзинь!

– Ну вот, – сказал Малёк, глянув в окно. – Попытались предупредить. Но не успели. Сейчас он в обморок упадёт.

– Миче, – подскочил ко мне Чудила. – На самом деле всё нормально. Могло быть хуже.

– Хуже чего?

Я глянул в окно. Та мама и папа вкатили в ворота такой

специальный стульчик на колёсах, а на стульчике сидел мой Рики. С забинтованной левой рукой, с перевязанной ногой и с головой в бинтах.

Ну и прав был Малёк. Я едва не хлопнулся в обморок.

*

В этот день я всё равно пошёл мириться с Натой. Но меня не пустили в дом! Дескать, барышня, меня видеть не хочет. Потом я подослал парламентёром Малька.

Ему было сказано, чтобы не лез, куда не просят.

– Ты объяснил ей хоть что-нибудь?

– Я успел вставить словечко, – кивнул Лёка. – Она ответила, что придёт навестить Рики. Всё.

– Если бы я снёсся раньше, мы бы сейчас не поссорились. Почему я не понимал, что люблю её? Я так сильно боялся? Но я и сейчас боюсь, – бормотал я себе под нос. Малёк на это реагировал болезненно. Он говорил Чудиле:

– Миче меня доведёт, и я его придушу.

Но Лёка ещё был самым милосердным из этих извергов. Все прочие ругали меня на чём свет стоит, и всё за ролики.

Может быть, кто-то не в курсе роликовой проблемы, так я расскажу.

Уже говорил, что наш город – это сплошные склоны. Он стоит на Иканке – такой широкой и низкой горе причудливой формы. Все улицы, даже поперечные, ведут вниз, и довольно круты. Иногда это сплошные трамплины, иногда

вдруг упираешься в тупик – улица делает резкий поворот. У заборов ветвятся крыжовник, малина, ежевика, шиповник и розы. Всё чрезвычайно колючее. Есть такие места, где ты идёшь по дороге и видишь сверху дворы улицы, расположенной ниже. Представьте, как весело навернуться оттуда в чужой колодец. Взять, допустим, самокат. Запросто можно затормозить. А ролики? Как их остановишь? Ребята, гоняющие по улицам, как-то останавливают. Для меня это остаётся непостижимым. Спросите: «Миче, сам-то ты катался в детстве?» Нет, не катался. Ролики изобрели только что. Какому ослу это в голову пришло? Покажите-ка мне его.

А порой из-за поворота выворачивают повозки, выносятся всадники, выскакивают собаки. У оград торчат колышки – это бабульки привязывают к ним рогатых коз, саженцы и цветочки. Колышки бывают железными. Кое-где город заканчивается обрывом, крутым, каменистым, с узкими лестницами, ведущими вниз. Ну, и если мой очень младший брат не сумеет затормозить и свалится оттуда?

У всех приятелей моего Рики были ролики. Как их родители решились, я не знаю. Все эти дети лихо гоняли повсюду, а я обмирал от ужаса. Нет, нет и нет. Что бы ни говорили наши с Рики мама и папа. Папа, например, вообще на ровном месте упал. Я сказал, что поссорюсь с ними, если они купят ребёнку ролики, а старший доктор Шу, я знаю это, шепнул родителям, чтобы они не спорили со мной, не травмировали мою впечатлительную душу. Рики я велел смириться с тем,

что роликов у него не будет, а друзьям пригрозил, если они вздумают подарить моему сокровищу этот кошмар, я не буду с ними водиться.

Ну и вот все они, кроме самого Рики, теперь зудели и ругали меня. Если бы я потратил пару дней на обучение ребёнка, забыв о нелепых страхах, ничего бы не случилось. А так он вчера втихаря поздно вечером встал на ролики соседского мальчишки и с непривычки, да ещё в темноте, навернулся как раз в том месте, о котором я рассказывал. С дороги в чужой двор, вниз. Результат – сломанная рука, сильно ушибленная нога, ежевичные колючки по всему телу, царапины, синяки и порез на макушке. Царапины я ему быстро заговорил.

Действительно, могло быть и хуже.

Даже ужасней.

Например, родители хотели меня проучить и отвезти моего Рики из Лечебницы к себе домой, но он поднял бунт и потребовал ехать к Миче. Мой ребёнок хотел показать, что не сердится на меня, а очень даже понимает и любит. Он заполз в мою постель, пригрелся и дремал себе. Очень моего ребёнка удручала мысль, что продолжение работы над серёжками для директора школы откладывается на неопределённое время из-за сломанной руки. Я обещал помочь, но Рики хотелось самому выполнить всё с начала и до конца. Тем временем мама и папа вытянули из моих друзей, отчего я такой совсем никакой, отчего где-то шлялся всю ночь

и почему поссорился с Натой.

Ну всё, решил я, сейчас начнётся по новой. Но нет, родители, как и Натин папа, пожали плечами и сказали, что это моё личное дело. Никакого участия. Я вечно за них переживаю, а им всё равно.

– Это потому, – горько сказала мама, – что ты пишешь стихи и их же под свою же музыку распевашь. Ты слишком чувствительный, прямо как девочка. Так нельзя. От этого твои несчастья. Дурь в голове.

Сговорились они, что ли, с дядей Тумой Мале? На днях я исполнял долг вежливости: по приказу отца навещал заболевшего начальника таможи. Пора запретить навещать болящих! Кашляя и чихая мне прямо в рот и в чай, который я для него приготовил, дядя Тума мне же ещё и выговаривал. Дескать, такой обалдуй я потому, что пишу стихи и клепаю золотые девчачьи цацки, и все мои несчастья от того же. Когда я спросил, где это у меня несчастья, и почему я их не замечаю, дядя Тума шумно высморкался раз пять и посоветовал мне не распускать сопли.

Можно углядеть высшую справедливость в том, что я не заразился и не улёгся в постель, и сопли не распустил.

– Клепаю золотые цацки, – подхватил я мамину мысль. – Да ещё и серебряные в придачу. Мужское ли это дело, мама? Или оно мужское только тогда, когда клепает папа, кормилец семьи?

От неё никак не ожидал обвинения в том, что писать сти-

хи – это плохо. Помнится, она радовалась и гордилась, когда я притаскивал ей в коллекцию новый листок с рукописными четверостишиями, складывала в отдельный ящик. Может, мои стихи в последнее время недостаточно хороши? Но их с удовольствием печатает университетский журнал.

– При чём здесь твоя профессия, Миче? Ничего такого я не говорила. Но стихи и впрямь сочиняют странные люди. Однако, доктор Шу советует им потакать.

Вот как выбил маму из колеи несчастный случай с Рики. Вот до чего она на меня сердита.

Ловкач побыл у меня недолго. Пришёл, потолкался во дворе с сочувствующими соседями, послушал сплетни и испарился. Спешил куда-то. Он принёс хорошую новость: старый убийца Корк арестован за избиение старшего сына. Я очень сильно обрадовался: вот сошлют негодяя на каторгу – и никаких больше проблем. Может, моей семье не придётся покидать Някку.

Ловкач не выглядел довольным, когда сообщал мне такое прекрасное известие. Это отчего-то показалось мне подозрительным до последней крайности. Нет, я не сказал себе: «У Воки проблемы, оттого он так раздражён, сердит, даже груб. Отводит бегающие глазки, нервно поправляет очёчки и дёргает себя за белобрысые пряди. Помочь надо Воки». Я бы так сказал, если бы речь шла о Мальке, Чудиле или Шу-Шу. Но тут я подумал: «Дело нечисто. Всякий радуется, если негодяй получает по заслугам. Ловкач, похоже, не рад.

С чего бы это?» Подумал, хотел попозже погадать, но меня отвлекли.

Вечером, когда все уgomонились и разошлись спать, я вы-полз в свежий и влажный сад постоять и подумать в тишине. Голова у меня разболелась, и весь я был какой-то потрясённый и сам не свой. И, если я глядел на дом, то видел, что он горит, я видел пожар, и мне приходилось уговаривать себя, что это наваждение, мой вечный страх. Я отвернулся и стал смотреть на звёзды.

Отчего этот страх так усилился?

ГЛАВА 3.

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ЗАБОТА

– Эй, анчу, – донеслось из-за забора, граничащего с переулком.

Опять Корки! Я уже не могу. Я хотел уйти в дом.

– Эй, иди сюда, поболтать надо.

Я подошёл. Я сжал кулаки. Я сейчас с ними поболтаю.

Встав у калитки, хотел сказать этим разнокалиберным Корковым прихлебателям что-нибудь нехорошее, но они меня опередили. Их было человек шесть. Что странно, не брехливая молодёжь, а их отцы, бородатые, угрюмые типы. Дело плохо, решил я. И предпочёл за калитку не выходить.

– Анчу, ты знаешь, что сделал, – сказал Крук, какой-то там семиюродный дядюшка.

– Что я опять вам сделал?

– Ты избил Кохи почти до смерти.

– Что? Я?!

От такой наглости мне стало просто смешно. Я расхохотался в их волосатые заросли:

– Отчего же арестовали не меня, а вашего благодетеля?

– А мы не знаем, отчего наш драгоценный король так с тобой носитя. Но кое-кто не намерен с тобой носитья. Думаем, ты не понял, отчего твой братец с горки слетел. Так вот.

От тебя зависит, чтобы вскоре он не слетел с горки повыше и не сломал чего-нибудь посерьёзней. Понимаешь, нам очень не нравится, что Кырла посадили в тюрьму.

Я аж хрюкнул.

– Вы заговариваетесь. Бред несёте. Ха! Вашего Кар-Кара выпустили из тюрьмы, чтобы он столкнул Рики со склона? Вы чего, вообще, добиваетесь? И Рики тут при чём?

Да, откуда они знают, что у Рики сломана рука? Я стал лихорадочно вспоминать, когда узнал от Ловкача, что папочка Корк арестован. Сегодня утром.

– Нет, не выпустили из тюрьмы. Его арестовали вчера после обеда, – вякнули бородатые рожи.

Отчего они не бреются? Я знаю: потому что бороду с год как отрастил их благодетель. Он побреется – и они тоже. Он начнёт усы заплетать косичкой да с розовой ленточкой – и те туда же.

Ну, я вспомнил, что вчера после обеда. И чем мне это грозит?

– Только все должны знать, Миче Аги: Кырл пальцем не тронул своего сына. Это сделал ты, – просветили меня из темноты переулка.

Я присвистнул:

– Интересная теория!

– Дети Кырла скрывали всю эту историю, – пояснил Крук. – Не хотелось им скандала. Кырл не позволял им пререкаться с тобой. Они сказали ему, что Кохи упал.

– Ха-ха! – прокомментировал я.

– Но ты обнаглел.

– Да что вы?

– И дети Кырла возмущены.

– Вот как?

– Не лезь к ним сейчас. Не задирайся.

– Да ни за что.

– Уповай на справедливый суд.

– Уповаю. Кстати, ведь есть свидетели, их много, и они знают, кто кого побил, кто куда упал, и в какое время это произошло.

– Если месть совершается быстро, свидетели могут и не понадобиться. Кохи поклялся отомстить.

– Ой, я дрожу! – издевательски бросил я. Мне угрожают местью, но никто из них не видел Кохи, иначе бы они знали, что в таком состоянии невозможно даже мяукнуть. Мне рассказывают дурацкую версию событий... Зачем?

– Видишь ли, анчу, – нёсся Крук, – Кырл нам дорог, а ты – нет. Ты любишь свою семью, ведь так? Ты не хочешь её лишиться? Так вот. Если ты убедишь свидетелей, что они обознались и ошиблись, мы убедим Кохи не мстить.

Они всё пытаются свалить на этого несчастного парня, который всеми силами хотел быть похожим на них, добивался любви и признания. Они уже отказались от него. Если откроется история с предательством, пиратами и амулетом, виноватым окажется Кохи, который пытался защитить своих

Корков.

– То есть, вы хотите, чтобы я заявил, что подрался с Кохи и избил его. А ваш старый злыдень...

– Ну-ну!

– Ваш старый злыдень ни при чём, стало быть. Раз король со мной носится, с этой стороны мне ничего не будет. А с вашей будет, если я не возьму вину на себя. Вроде как, все знают, что мы с Кохи время от времени любим подраться. Вы угрожаете моей семье. Я правильно изложил?

– Абсолютно, – заржали негодяи. – Сделай что-нибудь, чтобы Кырл побыстрее вышел из тюрьмы. Скажем, сроку тебе две недели. У тебя же высокопоставленные друзья в недрах дворца, – намекнули они не то на Чудилу, не то на Далима. – Ты увидишь, Корки могут быть благодарными. На столько благодарными, что не тронут младшего Аги, а ведь это так просто. Надемся, ты понял это вчера вечером? – добавили бородачи и, посмеиваясь, пошли вверх по переулку, не дав мне возможности ответить.

Они угрожают лишить меня самого дорогого – моего Рики.

Они намекают на то, что вчера вечером организовали его падение в нижний двор. Для устрашения Миче Аги. Чтобы он плясал под их дудку и помог им выгородить главу клана.

Теперь я хлопочи за убийцу. Мне предложили вариант: взять вину за избиение Кохи на себя. Но, решил я, можно придумать и ещё что-нибудь. Можно, если подсуетиться,

поднапрячься, если не одному.

Когда речь идёт о моей семье, я просто невменяемый делаюсь. Я бросился к папе (они с мамой заночевали у меня). Я растолкал его и зашептал:

– Па, мне надо отойти.

– Куда?

– Надо.

– К Натe? Ну-ну. Мириться хочешь?

– Да, хочу, – сказал я чистую правду.

– Давай-давай. Я вот тоже, когда с твоей мамой...

Кажется, он заснул. Я разбудил его снова:

– Па, ты не понял, я должен отлучиться.

– Да, к Натe. Я понял, – сонно пробормотал отец.

– Папа, проснись, – потребовал я. – Я уйду, и ты должен охранять дом.

– Что я должен? – отец аж глаза открыл с перепугу.

– Вот, возьми мою саблю и охраняй дом. Вокруг творятся страшные дела.

– Какие дела?

– Страшные.

Папа сел.

– Сынок, – сказал он. – Ложись спать. У тебя были трудные сутки. Ты болен. Выспись. Утром сходишь к Натe, потом проводишь меня в Лечебницу...

– Что тебе там делать, па? – заподозрил я его в подвохе. – Ты уже давно здоров.

– А мне, – ответил он, – надо кое-кого навестить.

Я понял, кого. Его дружка, старшего Шу. Пусть-де пропишет мне успокоительных капель и прочитает лекцию, как быть хорошим мальчиком. Да я и сам с усам. Я сам могу лекции читать.

– Короче, па, – шёпотом рявкнул я. – Вот сабля, а я пошёл. Топор я положил тебе под подушку. Ружьё на стене. Утром спрячь его от Рики, если я не успею. Такая тяжёлая железяка – под кроватью. На тумбочке – плошка с перцем – его можно сыпануть в глаза. Только смотри себе не попади или маме.

– Миче, подожди! Ты что несёшь?

– Несу? Ах да. Это лом. Железный лом. Положи его с маминой стороны. Или нет, дай я сам.

– Миче, ты нездоров. Постой-ка...

– Всё, пока. Вода на случай пожара вот здесь в вёдрах, в тазике у крыльца, в бочке и в Чикикукином корыте. Так, что ещё?..

Папа вскочил на ноги. Я попятился к двери.

– Я скоро вернусь, надеюсь, – сообщил я о своих планах. – Вокруг двора – магическая защита. Всё, пока.

Я быстро пробежал по садовой дорожке, папе не угнаться за мной. Поднял руку – и колокольчик не дзинькнул, когда я выскочил за калитку. Как я нёсся переулком, уходящим влево! Я выскочил на дорогу, с которой вниз навернулся Рики... И подумал: да как тут можно, вообще навернуться? Улица

эта на удивление прямая и ровная, а если, как утверждает мой братец, их, ребят, было несколько, и все они клялись его учить и поддерживать... А он, тем не менее, свалился во двор соседей снизу... Только в одном месте. Прямо здесь, выкатываясь из заросшего подорожником переулка, идущего под уклон, на ровную дорогу, и не сумев затормозить.

Я сначала не понял, на что смотрю при ярком свете Ви и Навины. Наклонился. Провёл рукой по стволу молодого сливового деревца. И по стволу черешни на другой стороне.

Сколько времени здесь эта проволока, здесь, на этих стволах, поцарапанных с тех сторон, что обращены к заборам? Поцарапанных так, как бывает при сильном рывке. Тонкая-тонкая проволочка, за которую цепляются ролики, и мальчик, не умеющий кататься, летит вниз со склона.

Вот он, чуть-чуть опередив друзей, медленно катится по мягкой дорожке.

– Молодец! Хорошо! Здорово! – кричат ребята. Сделать так, чтобы они отошли – пустяки. Я бы сказал, встав среди переулка и раскинув руки:

– Он отлично катится, погодите-ка, пусть сам...

Кто-то должен помогать этому подлецу. Надо ведь вовремя натянуть проволоку, не раньше, а то вдруг споткнётся кто-то другой. Хотя, было уже довольно поздно...

Глядя сверху вниз, я понимал, что убиться насмерть здесь трудновато. Правда, Рики мальчик ещё, да к тому же на роликах.

Кто-то быстро обрезал проволоку, чтобы не расшиблись другие дети и не заподозрили чего взрослые. Очень просто: шаг в сторону, и нагнуться. Обрезать-то обрезал, но не отвязал от стволов. Может, нарочно, чтобы увидел я, сумасшедший старший брат?

Вскочив, я помчался снова. Короткой дорогой, срезая углы и перепрыгивая через ограды во дворах, где меня знали сторожевые собаки. И на одной из улиц я с облегчением попал в сильные лапы Чудилы.

ГЛАВА 4. НОЧНЫЕ ВИЗИТЫ

– Миче, это я!

– Петрик, я попал в беду!

– Я знаю, знаю!

– Они и у тебя были?

– Разумеется, были. Идём ко мне.

– Да, Петрик, идём.

– Сказали, если я хочу, чтобы с тобой и с твоими ничего не случилось, я должен что-нибудь предпринять. Им нужен этот старый чёрт!

– Пойдём, спросим у Коркиных крошек, собираются ли они мстить. Это реально: не отправься я за амулетом – Кохи был бы здоров.

– Опомнись, Миче. Кохи был бы в тюрьме, как самый главный заговорщик. Он же собирался взять вину на себя. Миче, дети Корков мстить не будут.

– Но...

– Хочешь – побежим спросим. Хочешь?

– Да.

И, сменив курс, мы галопом помчались к госпиталю.

– Петрик, – сказал я у ворот, в которые не стоило и соваться по причине ночи, – можно, конечно, перелезть через ограду, но ты уж как-нибудь сам. Не могу я видеть Кохи таким.

– Миче, – призвал Чудила, – не чуди.

И мы полезли через ограду со стороны кустов и речки Дики. По – моему, до нас тут кто-то лазил. Понаставили досок, чтобы легче было карабкаться, помяли кусты, протоптали тропинку... Чудила быстро и уверенно привёл меня к этому лазу. А потом, также здорово, нашёл нужный корпус.

Ах да! Я вспомнил: Мадина! Чудила лазает к ней. Но я ничего не сказал, даже когда прокричав из-за скамейки ночной птицей, Петрик спрятался и стал ждать, затаив дыхание.

Из двери выскочила тонкая фигурка, закутанная в шаль. У Чудилы по лицу разлилось блаженство и глупая, счастливая улыбка. Он поднялся из-за скамьи, я тоже... И Мадина сналёту, мимо Петрика, бросилась мне на шею и даже расцеловала, хоть я и уворачивался. Я сразу понял: она мстить точно не будет.

– О, Миче! – тихонько, с радостным подвыванием, голосила Мадина. – О, спасибо, спасибо!

– Да тебе-то что я сделал? – в отчаянии пропищал я, пытаясь удержать её на расстоянии: меня очень огорчил разочарованный вид Чудилы.

– За выхухоль! Спасибо! – не могла остановиться Мадина. – Ты оставил нам выхухоль...

– Чикикуку, – поправил я.

– Да, Чикикуку! Она спасла Кохи!

– В смысле? Совсем спасла?

– Совсем-совсем, – Мадина пыталась рыдать и смеяться

одновременно. Теперь она повисла на Петрике, чему он был очень рад. Правда, повисела она на нём недолго, вспомнила о тайне, окружающей их любовь. Девушка говорила:

– Кохи совсем чуть не умер. И вдруг просто ни с того ни с сего пошёл на поправку. Все доктора удивлялись, все приходили смотреть. Чикикука всё вокруг увивалась – и Кохи стал выздоравливать! Честное слово! Очень быстро! Никто такого не ждал и не думал. О, Миче! Будь счастлив, Миче, да благословит Эя твою семью!

– Это понадобится, – пробормотал я. – Только я тут ни при чём. Это всё Чикикука.

Петрик и Мадина бросали друг на друга такие взгляды, что я сказал:

– Ну, я пойду, подожду там. Догоняй.

Я ждал не очень долго, но меня всего трясло от переживаний. Наконец явился мой дорогой дружок.

– Ты понял? – проговорил он. – О мести даже речи не идёт. Все они готовы на тебя молиться. А Кохи сейчас тем более не до ерунды.

Мы побрели по улицам вверх. Уже была полночь, наверное.

– Миче, – начал Петрик, неправильно истолковавший моё молчание, – ты ведёшь себя так, как будто знал... знаешь... ну...

– Что ты целуешься с Мадинкой? – усмехнулся я. – Да, знал.

– Ох, Миче! – и он ухватил меня за локоть, остановив и развернув к себе. – Ты, наверное, обижен? Я не рассказывал тебе. Я не говорил раньше никому, но как я мог? Пожалуйста, не обижайся. Теперь, наверное, можно рассказать. Да? Можно?

– Можно, можно, – подбодрил я.

Мой родной дружок был несчастен, моё сердце плакало от жалости к нему. Он действительно молчал много лет, я был первым, кому он рассказал о своей любви. Его словно прорвало. Он говорил горячо, он так сильно сжал мою руку, что остались синяки.

– Я не хотел. Но так получилось. Мы ещё в детстве почувствовали друг к другу симпатию. И сначала даже не таились особо, просто не хотели, чтобы дошло до родителей. Плохо понимали эти проблемы. Разногласия. Родовые. Семейные. Всё так сложно! Потом стали понимать, что нам действительно нельзя любить друг друга. Договорились, что попытаемся разлюбить. Она после школы специально училась в другом городе. Ты знаешь, я встречался с девушками, только ничего не получается. Мадинку люблю. Все эти встречи – для отвода глаз. И вот она вернулась домой, и мне уже надо на что-то решиться, но на что? Понимаешь, беда какая: она – Корк, а я вот, стало быть, Тихо.

– Да уж. Беда.

– Если я откроюсь родителям, тут два варианта. Они или взбеленятся и отправят меня прочь из Някки, или затеют пе-

реговоры и сватовство. Тогда взбеленятся Корки и быстро выдадут Мадинку замуж за другого. И уж поверь: они так её любят, что постараются найти дочке самого старого, злобного, вонючего уроды из всех возможных. Они и так могут это сделать в любую минуту. А я твержу ей, что вот-вот найду выход, что всё хорошо будет. Получается, что обманываю человека! Не может быть, чтобы всё хорошо было. Не для меня.

И это говорил Петрик, оголтелый оптимист!

Мне всегда казалось, что Петрик – хозяин любой ситуации, но видимо многолетнее молчание и необходимость что-то сделать как можно скорее прорвали плотину его долготерпения. Попросту говоря, нервы сдали, ведь он не видит выхода. Не может человек вечно держать себя в руках.

– Почему не может быть для тебя? – спросил я.

– О, Миче, разве Эя или Радо могут покровительствовать лгунам? Пусть я не по своей воле...

– Чудилка, мы придумаем что-нибудь.

– И ты туда же! Ты просто не знаешь. Просто не знаешь, что я обманываю не только Мадинку, но и другого... других дорогих мне людей. И тут уж точно придумать ничего нельзя. Я лгун.

– Не говоришь родителям о Мадинке? Может, всё же сказать, раз они нормальные люди? Пусть взбеленятся сначала, но потом помогут.

– Кажется мне, что они догадываются.

– Вот видишь!

– Почему тогда сами не поговорят со мной?

– Может думают, это у тебя пройдёт. Намекни им хотя бы, чтоб узнать их мнение.

– Нет. Не знаю. Не могу я, Миче. И, пожалуйста, запомни, что я лгун не по своей воле.

– Не путай меня. Никто не знает о твоей любви. Никто не заставляет тебя лгать родителям. Возьми и скажи – и Эя и Радо будут на твоей стороне. Или ты о чём? Молчать – это не значит лгать. Мы не обязаны отчитываться, даже перед самыми близкими, за каждое действие и за каждую мысль. Никто не обязан пускать их в свой внутренний мир до самых дальних закоулков. Иначе это не мир, а мощёная площадь, на которой ни единого укрытия для тебя. Как жить на пустом пространстве? Это написано в Книге Радо. Ты не лгун, Петрик, ты просто спрятался в укрытии. Всё будет хорошо. Знаешь что? Приходи, я погадаю. Цены умеренные.

Конечно, я не смеялся над ним. Я расписывался в своём бессилии. Чем тут поможешь? Наверное, только сочувствием. Кто знает, какие на самом деле у Чудилки отношения с его родными?

И, потом, как это ему столько лет удавалось скрывать свои чувства и отношения с дочерью Корков? Ото всех скрывать, от меня! Ну и самообладание! Вот так конспирация!

– Ладно, – сказал Петрик. – Может, ты прав. Ты всегда прав. Может, сказать родителям – это единственный выход.

Я подумую. Ещё поговорим об этом. Спасибо, что выслушал. А сейчас надо что-то предпринять по поводу злыдня Кар-Кара.

Он отпустил мой локоть, провёл рукой по лицу, и снова стал обычным Чудилушкой, словно надел другую маску.

– Куда ты направился? – спросил он, завершая разговор о своей любви.

– К тебе.

– Да нет же. Мы идём во дворец.

– Как это идём? – испугался я. – Как это, во дворец?

– Тебя же приглашали, – хитро прищурился Петрик. – Молчи и топай за мной.

И вот вопрос: правильно ли мы поступаем, собираясь просить помощи у короля? Но я согласился, ведь стоит раз проявить слабость – и Корки сядут мне на шею.

Я шёл вверх по притихшей, залитой светом Навины, Няк-ке, полной журчанья и шелеста, свежести и запаха ночных цветов, и пения цикад, и думал о Корках, старых и молодых, о своих проблемах и о Чудилкиной любви. И вдруг мне стало ясно, что под обманутыми им «дорогими людьми» Петрик понимает не родителей вовсе. Я сам поставил ему на вид, что он просто молчит, но не лжёт. Он сейчас дал мне понять, что обманывает МЕНЯ, и дело вовсе не в его отношениях с Мадинкой. И попросил запомнить, что не по своей воле. И так его это гнетёт, что он уверен в немилости Эи, в том, что она откажет ему в счастье за это. Странно.

– Петрик, – позвал я. – Если ты обманываешь в чём-то меня, не переживай. Я не стану обижаться. Значит, так нужно, я прав? Эя и Радо не оставят тебя. Я запомнил, что это не по твоей воле.

Мой друг приостановился на миг. И склонил голову, соглашаясь, что я всё правильно услышал и понял. И мы пошли дальше.

А цикады так пели среди ночи, что я сказал им мысленно: «Всё-таки непременно должно быть всё хорошо. И у Петрика тоже, раз в мире такая красота!»

– Обязательно, – обернувшись ко мне, уверенно произнёс Петрик.

Эх, надо отвыкать от привычки высказываться вслух, когда задумаюсь.

*

– Петрик Тихо, – назвался мой друг, ещё только подходя к воротам дворца – и нас пропустили без звука. Теперь я не так робел, как в прошлый раз. Разглядывал красивую резьбу и ковку, картины и гобелены. Вот смотрите, предки нашего монарха были весёлыми людьми. Они улыбались от души, и я улыбнулся тоже. Я догнал Чудилу на площадке темноватой ночью лестницы.

– Слушай, Петрик, это что за сюжет?

– Где?

– Вот, на этой тряпочке.

Он засмеялся:

– Это очень, очень старый гобелен. Доисторических времён. Поэтому он в витрине за стеклом. Еон, предок нашего короля, тот, что первый из Охти правил Няккой, встречает свою будущую супругу. Она ожидала конца битвы в крепости неподалёку. Не уехала, спасаясь от врагов, а приехала к жениху в трудный час. Красивая женщина, да? Лапочка.

При свете Навины, глядящей в окно, мы рассматривали экспонат. Лицо будущей королевы было здорово подпорчено временем и даже чем-то фиолетовым, на голове – диадема и странная нашлёпка, наверное, вуаль, кисти рук походили на разводы или кляксы – поди тут пойми, хороша женщина или чуть красивей каракатицы. Королевский же предок почти не пострадал. Эти особенные брови вразлёт, тонкие черты лица... Но кисти его рук, особенно левая, были испорчены ещё хуже, чем у его невесты.

– Это дети порезвились, какие-то доисторические королевичи. Раскрасили чернилами руки. Чего ты замер, Миче?

– Подожди. Ведь гобелен – это ткачество. Это не рисунок. А это вот – просто чернила. Может, можно отстирать? С мылом?

– Нет. Испортится. Древние вещи нельзя стирать в корыте. А потом, зачем?

– Смотри. Король стоит в такой позе...

– Что удивительного? – не понимал Петрик. – Он хочет обнять свою королеву.

– А ты ведь помнишь, – не отцеплялся я, – в анчутских пещерах рельефы...

– В таком желтоватом зале с дырками для солнца? Да, я видел рельефы.

– А видел Очень Злого Шамана?

– Анчутка, там на каждом рельефе по десять шаманов. Откуда мне знать, который злее. А что?

– Сам не знаю, – понурился я. – Очень Злой Шаман стоит также и ещё... Сам не знаю.

– Пошли, философ, – Чудила со смехом потащил меня дальше.

– Ты кто, Петрик? – спросил я.

– Самый злой шаман, – сознался приятель.

– Нет, я в том смысле, почему ты имеешь право вламываться ночью во дворец с проблемами своих друзей?

– Потому что я имею право, – пожал плечами Петрик и втолкнул меня в явно женскую комнату, забитую пальцами, клубочками, корзиночками, беспорядочно валяющимися книжками и мягкими игрушками.

– Чегой-то? – фыркнул я.

– Сиди и жди.

Я сел и стал ждать. И вот, пропустив вперёд свою королеву, в комнату вошёл наш король. Оба они позёвывали, оба были в халатах и тапочках, а у королевы вместо замысловатой причёски была просто коса. Следом прокрался Петрик.

– Вот он, Миче, – указал на меня мой дружок. – Корки

обещали что-нибудь сделать с его семьёй, если он не добьётся освобождения Кар-Кара.

– Но, Миче, мой мальчик, старший паршивец едва не убил собственного сына, – королева протянула руку и коснулась моих, коротких ещё, волос.

– Собственного сына едва не убил, – зевнув, подтвердил король.

– Но ваше величество, – возразил я, – если он не выйдет из тюрьмы в течение двух недель, они подожгут мой дом. – (Тьфу, опять я о том же). – Они не хотят суда над чёртовым сыноубийцей. Они хотят, чтобы я сказал, будто это я побил Кохи, если не придумаю, как по-другому вызволить его папочку. Они устроили так, что мой очень младший брат упал и сломал руку, и весь в синяках.

– Чушь какая, – сказал король, зевая. – Ничего глупее не придумаешь. Ладно бы всё наедине, шито-крыто, но так... Слуги, дети, прохожие, доктора, кто там ещё? Да полно свидетелей!

– Вот именно, свидетелей полно! – кивнула королева.

– И со всем этим разбираться мне! Я должен взять вину за избиение Кохи на себя. Меня пытались запугать, устроив падение Рики с дороги в нижний двор. Дескать, в другой раз что-то посерьёзней будет. Рики – это мой очень младший брат. Что мне делать? Я не смогу уговорить такую прорву народа давать ложные показания, позориться на весь город тоже не хочу, – вскричал я. – Ваши величества! Пусть не бу-

дет суда. Просто выпустите злыдня, пожалуйста!

– Мы бы засадили эту дрянь в тюрьму очень надолго или отправили бы на каторгу, – мечтательно произнесла королева. – Но да. Жаль, что ты не хочешь. Стольких людей ты не уговоришь. Но, Миче, слухи всё равно уже гуляют по городу.

– Ну да. Гуляют, – согласился король.

– Да! И правильно! И очень хорошо! И все говорят: Кар-Кар избил сына. Вот и пусть говорят. А если виноватым выставят меня, а Кохи когда-нибудь потом заговорит о том, как оно всё было, и кто по правде его избил, милые родичи и его откуда-нибудь сбросят. Если я возьму вину на себя, придётся судить меня – разве это справедливо?

– Решено, – хлопнул в ладоши король. – Сколько у нас времени? Две недели? Пусть Кырл хоть это время проведёт в тюрьме. Дней через двенадцать-тринадцать мы его выпустим. Придумаем причину какую-нибудь. Ты доволен, сынок?

– Сынок, ты доволен? – улыбнулась королева.

Я оглянулся. Кого это тут называют сынком? Не заметив в этой стороне никого, кроме себя, я ответил:

– Доволен, ваши величества. Можно мне идти домой?

– А заночевать? – всполошилась королева. – Хочешь, останься здесь, поздно уже.

– Останься, Миче, – предложил король.

– Ой, нет, нет! – затрепыхался я. – Нет, мне надо быть до-

ма. Я боюсь, что кто-нибудь что-нибудь сделает с Рики, мамой или папой. Правда, я дал папе саблю и ружьё, а ещё – топор, лом, железку и жгучий перец, но, боюсь, он не проникся и заснёт.

Трое моих собеседников переглянулись. Чудила, хихикнув, спросил:

– Что ты дал папе? Лом и железку?

Король и королева вздохнули и сокрушённо покачали головами:

– Кого ты боишься, Миче?

– Не знаю. Тех же Корков. Пиратов. Да мало ли кого. Вон, вчера я не дал убить волка, так мне пригрозили, что аукнется.

– Сегодня ты ночуешь здесь, – твёрдо сказал король. – Ступай в комнату Петрика и выпись. Нечего по улицам болтаться ночью. Если боишься, веди себя соответственно.

– Вот именно, соответственно, – поддержала королева.

– Но я не того боюсь, ваше величество! Мне бы домой...

– Спокойной ночи.

Король похлопал нас с Чудилой по плечам, королева поцеловала обоих. Они вышли, а Петрик поволок меня к себе.

– Они всегда так забавно говорят? – полюбопытствовал я шёпотом и оглянувшись.

– Ты тоже заметил? – обрадовался Чудилка. – Они как один человек. Очень любят друг друга.

– Твоя комната? Во дворце? Ты кто? Королевич?

– Ага. Точно, – со смехом подтвердил мой дружок.

– Нет, скажи правду, – потребовал я.

– Говорю. Растопырь уши. Я тот, кто, в числе прочего, собирает для наших монархов сплетни, поскольку сами они не могут носиться по рынку и трепаться на лавочке. Меня ценят, потому что я умный и обаятельный. И любят, потому что мои родители – друзья короля с королевой. Я в небольшом родстве с Далимом, а он в небольшом родстве с ними. Улавливаешь? Меня здесь знают с детства, вот и все дела.

– Отчего же ты вечно с нами, а не здесь? По долгу службы? Собирая сплетни?

Чудила поглядел на меня долгим укоризненным взглядом.

– Не обижай меня, Миче, ладно?

Я опустил глаза.

– Не буду. Прости.

*

Утром солнце ворвалось сквозь полузакрытые шторы.

– Петрик, вставай.

Никакого ответа. Мой дружок спал себе спокойно, и, наверное, ему снилась Мадина. Выражение его лица было точь-в-точь, как тогда, когда он её увидел. Как наш Чудила работает в тайной полиции? Вот честно, не понимаю.

– Чудик, подъём, мне домой надо.

– Ни свет, ни заря... – пробормотал он и отвернулся.

И вдруг вскочил: – Проспали? Да? Уже на работу?

– Да-да.

– Встаю.

Его комната во дворце мало чем отличалась от той, которую он снимал в городе. Разве чуть больше интересных безделушек, книг и картин. А так – те же песочные тона и никаких особых вывертов в обстановке.

– Петрик, это кто?

– Где?

– Вот, на картине.

– Это – Красивая Горная Женщина.

– А! Сказочный сюжет. Красивых Горных Женщин не бывает.

– Повесь картину на место, она доисторическая, – рассердился Чудила. Я рассмеялся:

– Точно. Всё-то у тебя сказочное и доисторическое. Что делает эта колдунья?

– Читает то, что написано на камне. Такие, как она, умеют говорить с камнями особого сорта.

– Я тоже умею. С Чикикукой. С красной полусферой, в честь которой мы нашу зверушку назвали. Только у меня получалось по-другому.

Женщина на картине протянула руки к красноватой глыбе. От ладоней её к камню летело нечто вроде сероватого пламени, а на гладкой поверхности проявлялись фрагменты букв. Такие люди раньше жили среди анчу, но отличались

от нас нормальным внешним видом, более высоким ростом и волосами необычного цвета. Считалось, что они и их мужчины не принадлежали нашему миру, а свободно приходили откуда-то и уходили, когда хотели. Вреда от них не было никакого. Они просто жили, где нравилось, часто даже на отшибе, заводили семьи, а некоторые занимались особым видом прорицания. Но когда анчу предпочли жить в городах среди прочих людей, Красивый Горный Народ в основном остался в горах и пещерах. Это вам не анчу – их почитали, к ним приходили за советом. Но почему-то их становилось всё меньше, и теперь считается, что всё, что я вам рассказал, просто легенда. Никто из моих современников не видел никого, кто причислял бы себя к этому народу. А я думаю вот что: если Красивые Горные Люди и вправду существовали, их потомки вслед за анчу, спустились всё-таки в долины и затерялись среди местного населения. Возможно, они утратили способность болтать с камнями, возможно, теперь уже не существует двери в их мир.

– Петрик, – позвал я, – раз мне удалось поговорить с камнем Чикикукой, может, я немного в родстве с теми людьми?

– Знаешь, – улыбнулся он, оторвавшись от созерцания себя в зеркале, – а может, так и есть. Но только что ты сказал, что того народа не существовало, и будто бы это сказка.

– Ну, а ты, Чудилка, видел при входе красную полусферу? Ты трогал её рукой?

– По-моему, это очевидно. Как иначе я смог бы так быст-

ро отыскать Лалу Паг? Камень дал чёткие указания, выдал схему, и я понёсся. Зверушки Чикикуки не заметил, но какие-то животные явно бегали и шуршали то тут, то там.

Я обиделся:

– Вот как? А нам не сказал об этом.

– Хотел сказать. Но ты в этот момент решил испытать на мне новое заклятие Немоты. Кто тебя просил? Я говорил: не испытывай на мне ничего без предупреждения. Но ты опять за своё. И я забыл рассказать про камень от возмущения.

Я захихикал:

– Да, ты здорово ругался. Пришлось снова применить чары. Но я же тебе объяснил, что не смог удержаться. Нашёл новую формулу, а тут как раз ты. Искушения не сумел побороть.

– Вот про камень и не узнал, – подвёл итог Чудила. И вздохнул: – Очень неудобно жить на два дома. Думал надеть сегодня один костюм, приходится идти в другом.

– И накладно, Петрик. Что ты чудишь? Жил бы здесь.

– А вы будете приходить в гости?

– Если вся эта стража нас пропустит...

Чудила засмеялся:

– Не сомневайся, пропустит. Я лично распоряжусь.

– Ну, раз так, то придём.

– Ну, раз так, то я обдумаю этот вариант. Давай-ка, Миче, перекусим – и бегом по делам.

Я был не прочь перекусить. А бежать мне надо было не меньше, чем Чудиле, и так я вчера пробездельничал целый день.

Мы по-быстрому позавтракали в компании короля и королевы. Нам с Петриком не сиделось на месте, мы спешили, а они нас не задерживали. Что-то у них было не то. У королевы были красные глаза, будто она плакала. Грустной она была. Король, наверное, тоже, хотя и старался казаться весёлым и поддерживать непринуждённую беседу. Иногда, взглянув на свою королеву, он потом бросал сердитый взгляд на Чудилу, а тот опускал глаза и делал вид, что ни при чём. Хотя, если подумать, чем он успел их так расстроить за те часы, пока спал? Разговор сводился к одному: ко мне. Как я живу, что мне интересно, приду ли я на ежегодный бал в честь купеческого сословия?

– Видишь, Миче, из-за этой пиратской истории мы не поехали за город, поэтому бал будет прямо здесь, во дворце.

– Приду. Ещё ни одного бала не пропустил с тех пор, как подрос, – смеясь, ответил я. – Жалко, конечно, что в городе. Ваша загородная резиденция гораздо красивее, – ляпнул глупый Миче и прикусил язык. Но король с королевой пропустили мою бестактность мимо ушей.

– Это оттого, мой мальчик, что она гораздо современной, а этот дворец, как говорит Петрик, доисторический, – ухмыльнулся король.

– Точно, доисторический, – невесело улыбнулась его же-

на. – Ты на бал только Рики не приводи, а в другое время пускай приходит с тобой.

Потому она так сказала, что помнила, что я таскаю очень младшего брата за собой повсюду, и даже в пещеры анчу.

– С кем же он будет танцевать? С собственной мамой? – развеселились мы с Чудилой. Бал – это бал, а не детский праздник. На нём все взрослые. Ната, например...

Я набрался окаянства и решил, что имею право тоже задать вопрос. Я спросил:

– Ваше величество, говорят, в юности вы дружили с моим папой. Вы поссорились и больше не дружите?

Наш монарх, потрясённый моей наглостью, подавился и закашлялся и чуть не проглотил ложку. Королева постучала его по спине.

– Кто сказал? – выдавил из себя король и, сдвинув брови, взглянул на Чудилу.

Королева тоже взглянула, сдвинув брови.

– Это не он, – быстро вставил я.

– Я спрашиваю, кто сказал, что мы в ссоре? Миче, плюнь тому человеку на плешь.

Слыхали? А ваши короли выражаются также? Он продолжал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.